цию, не оправданные развитием сюжета.[6] В другой записи от Щеголенка той же былины[7] указанной вставки нет.

Аналогичный эпизод отмечен Вс. Миллером в одной украинской сказке об Илье Мурине. В эту сказку перенесены и некоторые другие похождения Еруслана (избавление девушки от Змея, исцеление слепых родителей сердцем богатыря-чародея, встреча с исполинской головой и др.).[8] По справедливому заключению Вс. Миллера, эта сказка подтверждает, «как свободно в народе на популярное имя Ильи Муромца переносились похождения Еруслана Лазаревича».[9]

Взаимодействие сказания о Еруслане и русского богатырского эпоса вполне закономерно. Пересказы былин в виде «повестей», «сказаний», «историй» еще с XVI—XVII вв. заносились в рукописные сборники, так же как «истории», «сказания», «сказки» о Еруслане. И те и другие принадлежали к единой линии литературы, обслуживавшей преимущественно демократические круги читателей; они повествовали о героических подвигах, направленных против насилия, на защиту слабых и попавших в беду. Исследования повести о Еруслане показали, что с самого начала ее появления в рукописной традиции она подверглась сильному влиянию русской эпической поэзии, сказавшемуся прежде всего в усилении гуманистического характера изображаемых подвигов и похождений. Это еще более сблизило повесть и эпос.

Естественно предположить, что взаимодействие могло иметь место уже при включении произведений в сборники. Еще сильнее оно должно было сказаться в устной традиции при совместном бытовании повести, перешедшей в сказку, и былин (а также сказок на былинные сюжеты).

Характерно отношение сказителей эпоса к сказкам о Еруслане. Те из них, кто пренебрежительно относился к сказкам вообще,[10] делали исключение для сказок о Еруслане и выделяли их вместе со сказками о Бове в особую группу близких к былинам. Заонежский сказитель М. Е. Самылин, например, во время записи от него в 1926 г. говорил: «Сказки неинтересны, другое дело ста́рины». Исключение он делал только для сказки о Еруслане Лазаревиче, которую воспринимал как родственную былинам. В сознании пинежского исполнителя Г. С. Обросова прочитанная им побывальщина о Добрыне и неудачной женитьбе Алеши Поповича объединялась с лубочными повестями о Бове и Еруслане: «Добрыня Никитич, Бова-королевич да Еруслан Лазаревич — сказки такие есть долгие, их не сказать, по книжке читывал».[11] Это отношение к «Бове» и «Еруслану» часто приводило к тому, что в фольклорный репертуар многих исполнителей былин, даже при малом знании ими сказок вообще, входили сказки о Еруслане и Бове.[12]

В настоящее время мы располагаем, помимо уже отмеченных в литературе, еще целым рядом фактов, показывающих отражение в эпосе сказаний о Еруслане.

---

[6] Е. В. Барсов. Памятники народного творчества в Олонецкой губернии. — Записки Русского географического общества по Отд. этнографии, III. СПб., 1873, стр. 22—29.

[7] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, изд. 4-е, т. II. М.—Л., 1950, № 120.

[8] Вс. Миллер. Очерки..., стр. 407—409.

[9] Там же, стр. 409.

[10] См., например: Былины Севера, т. II. М.—Л., 1951, стр. 10.

[11] Там же, стр. 610.

[12] См. упоминания об этом: Былины Севера, т. I. М.—Л., 1938, стр. 162, 514; т. II, М.—Л., 1951, стр. 471, 595; А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни (в дальнейшем: Григорьев), I. М., 1904, стр. 164, 268 и др.